КОМУ ЖИТЬ ВЕСЕЛѢЕ, ПЬЯНОМУ, АЛЬ ТРЕЗВОМУ.

Поглядите–ка, ребята, на горемыку безталаннаго, на Сидорку долгопятаго, котораго сами однокашники прозвали *мокрымъ*; поглядите на этого Сидорку мокраго, какое ему житье? Люди въ церковь, онъ въ кабакъ; люди за дѣло, онъ за стаканъ да за скляницу; что день у Господа, то у Сидорки праздникъ и веселье; что вырвется изъ казармы, то ужъ фельдфебель и наряжаетъ двоихъ въ обходъ за нимъ, по кабакамъ, и домой ведутъ его подъ руки, либо на рукахъ несутъ. Видно знатный онъ баринъ, что за нимъ такъ ухаживаютъ: съ двора идетъ онъ пѣшкомъ, а домой не случалось ему приходить на своихъ ногахъ: либо несутъ, говорю, либо волокутъ. И рѣдко прогуливается онъ одинъ: коли куда отпустятъ его изъ казармъ, то вѣстовой за нимъ ходитъ, словно за ротнымъ

командиромъ. Оборванъ Сидорка нашъ, съ воротника до самыхъ закоблучьевъ; обуться ему не во что: какъ только дачу, товаръ возьметъ, то подъ мышку его, да и пробирается подъ заборомъ, туда, гдѣ орелъ надъ дверьми повѣшенъ; и холстъ рубашечный — всему одна дорога! Нѣтъ поживы отъ Сидорки мокраго ни сапожнику, ни портному, ни солдатскимъ женамъ, что рубахи шьютъ; и самъ онъ иглы въ рукахъ не держалъ, а все только держится за стекло! За то чего ему не достается? Рѣдкую недѣлю живетъ онъ не битый; рѣдкой день не сидитъ подъ карауломъ. Въ кабакѣ ему бока отомнутъ, тутъ пришлютъ за нимъ изъ казармы двоихъ, и эти такихъ подзатыльниковъ ему надаютъ, и имъ онъ надоѣлъ давно; капральный приметъ его, да поучитъ; тамъ опять таки фельдфебель до него доберется — а на другой день, какъ проспится, ротный Командиръ зоветъ на раздѣлку. Житье нашему Сидору, да и только!

А товарищи? Да и товарищи его честятъ да жалуютъ по заслугамъ; въ казармѣ нѣтъ ему прохода, нѣтъ мѣста; къ кому не подойди, либо гонитъ, либо трунитъ надъ нимъ, да подымаетъ на смѣхъ. «Отойди, мокрый, люди сказываютъ, на которой кровати ты посидишь, та опьянѣетъ; трои сутки на ногахъ не стоитъ, качается! Поди, мокрый, просушись у печки; да къ огню не больно близко подходи: загоришься чай словно шкальчикъ! Что не женишься, Сидорка? Носилъ бы, да носилъ женнины рубахи, все лучше чѣмъ ходишь нагишемъ!»

Чтожъ вы думаете, люди добрые, какой ему будетъ конецъ, мокрому Сидоркѣ? А вотъ какой: не стало у него своего добра, все перетаскалъ подъ орликъ; принялся онъ за чужое. Попался онъ разъ, какъ укралъ сапоги у товарища; попался въ другой, какъ унесъ гривенникъ; попался и въ третій, какъ пропилъ казенную аммуницію — отдали его подъ судъ, прогулялся онъ по зеленой улицѣ; служба его пропала, отставки ему нѣтъ, сталъ съ горя пить пуще

прежняго и зналъ только двѣ квартиры: либо подъ карауломъ сидитъ, либо въ кабакѣ; а объ Рождествѣ, обрадовавшись празднику, свалился подъ заборомъ, да ужъ и не всталъ: изъ подъ забора прямо попалъ онъ въ мертвый покой, въ госпиталь; схороненъ въ тихомолку и не пошли товарищи провожать его, не хлопоталъ по немъ никто, и креста православнаго поставить на могилу некому! И покойнику не было добраго помину: бывало, какъ вспомянетъ кто Сидорку мокраго, то и говорятъ: «собакѣ собачья смерть; не хотѣлъ жить по людски, такъ не полюдски и умеръ!»

Укажитежъ мнѣ, ребята, хоть одного пьяницу, да чтобы былъ онъ путный солдатъ, и жить и служить было ему хорошо? Знаю я, что есть храбрые, исправные солдаты, которые до поры, до времени капли въ ротъ не берутъ, служатъ лихо; а какъ чортъ попутаетъ, такъ пошелъ кутить на цѣлую недѣлю, на двѣ, поколѣ наконецъ не опамятуется снова, да не

очнется; тамъ опять зарокъ положитъ и не пьетъ, и молодецъ хоть куда, поколѣ снова дурь не одолѣетъ; да вѣдь этакой молодецъ былъ бы и вдвое хорошъ и за троихъ пригожъ, кабы его и разъ, либо два въ году чарка не била, кабы онъ запою не зналъ, а былъ бы одинъ и тотъ же круглый годъ. Ну можно ли начальнику повѣрить да положиться на солдата, который хорошъ и исправенъ, поколѣ не соблазнится; а какъ вдругъ, ни съ того ни съ другаго, ухватился за чарку, такъ хоть на цѣпь сажай; можно ли его куда отпустить, можно ли ему поручить дѣло, можно ли производить его въ чины? Нельзя; того и гляди опозоритъ и того, кто повѣрилъ ему, и надо держать его въ черномъ тѣлѣ, наряду съ самымъ негоднымъ, ледящимъ.

Зналъ я такого солдата и звали его Назойковымъ. Онъ былъ отданъ изъ господскихъ людей, за то, что перебилъ пьяный, всѣ окна у двухъ сосѣдей, да стащилъ на улицѣ откупщика съ дрожекъ. Назойковъ служилъ у барина своего кучеромъ; жить ему было, какъ самъ онъ и

нынѣ говоритъ, хорошо: баринъ добрый, и въ семь лѣтъ службы своей Назойковъ не видалъ отъ него худаго слова, не только побоевъ. Да и не за что, правду сказать было: Назойковъ охотникъ былъ до коней, ходилъ за ними чисто, сбрую и упряжь держалъ въ порядкѣ, ѣздилъ лихо, да еще и самоучкой сталъ коноваломъ и шорникомъ такимъ, какихъ и ученыхъ найдешь не много. Отдалъ баринъ за него хорошую дѣвку, какую самъ Назойковъ пожелалъ, и были уже у него ребятишки. Чего–бы, кажись, болѣ? Да и самъ онъ, Назойковъ, и тогда сказывалъ и нынѣ тоже говоритъ, что лучшаго житья не надо; работа посильная и не постылая, потому что самъ онъ охочъ былъ до лошадей; хозяйка добрая и хорошая, одежа щегольская, сытъ бывалъ завсегда и деньженками баринъ дарилъ его бывало и къ Святой, и къ Рождеству, да еще и объ именинахъ своихъ въ зимняго Николу. Ну, пріѣхалъ баринъ какъ–то разъ въ Москву. Назойковъ тамъ столкнулся съ другими кучерами, они и давай его потчивать. Не

пью я этого добра, сказалъ Назойковъ, и родясь его въ ротъ не бралъ. Такъ отвѣдай! стали уговаривать его кучера; не честно, братъ, тебѣ отнѣкиваться, коли добрые люди подносятъ; выпей хоть одну, а тамъ неволить не станемъ; какъ знаешь. Выпилъ онъ — крякнулъ и утерся полою; тамъ пристали къ нему и съ другою, тамъ поднесли и третью — и напоили нашего Назойкова. Пришелъ онъ домой; пожурилъ его баринъ крѣпко и всякую правду ему говорилъ; Назойковъ зарекся: не стану пить впередъ ни за что; а и самъ онъ видѣлъ, что дѣло оно поганое — да опять сошелся съ пріятелями, и опять таки напился. Съ той поры бѣдный Назойковъ пропалъ: не пьетъ мѣсяцъ, другой, третій, и въ ротъ ничего не беретъ, а какъ пойдетъ гулять, то и пропадаетъ двѣ, три недѣли; а какъ запилъ, то и святыхъ вонъ вынеси; нѣтъ ему ни святаго, ни честнаго: въ драку лѣзетъ со всякимъ, кого ни встрѣтитъ, и буянитъ не хуже самаго Ваньки Каина. Какъ проспится — самъ плачется на себя, не помнитъ что и дѣлалъ, да пособить горю не

чѣмъ. Баринъ не билъ его, не наказывалъ, а только усовѣщивалъ, стыдилъ, да уговаривалъ; бывало журитъ, журитъ его, да спроситъ: какъ ты Бога и честныхъ людей не боишься, Назойковъ? А тотъ въ отвѣтъ: охъ, сударь, одну выпьешь — боишься; другую выпьешь — боишься; а какъ третію выпьешь — и не боишься! Наконецъ видитъ баринъ, что проку нѣтъ и не будетъ; Назойковъ, какъ запьетъ запоемъ, то буянитъ ни въ ладъ, ни въ мѣру; баринъ самъ заплакалъ наконецъ, и барыня тоже крѣпко жалѣла — да рѣшились, дѣлать нечего, отдали Назойкова въ солдаты. Тутъ онъ, покинувъ господъ хорошихъ, и жену и дѣтей, привольное житье, сперва было опамятовался, года съ три подержался; а какъ онъ служилъ въ гусарахъ, былъ молодецъ собою, и грамотенъ, и ѣздилъ на конѣ славно, умѣлъ обойтись со всякою лошадью и выѣздить хоть самую наровистую, то его было скоро произвели и въ унтера. Да, на долго ли? лихая бѣда одолѣла снова: разъ, либо два въ годъ Назойковъ пойдетъ пить запоемъ.

Начальство терпѣло разъ и другой, а тамъ и разжаловали Назойкова опять въ рядовые, и поставили его на одну доску съ ледащими пьянюгами, съ послѣднимъ человѣкомъ въ полку. Пропало доброе имя и слава и служба его, пропало и молодечество, пропало все! Сгинулъ и самъ онъ ни за грошъ — и не было по немъ честнаго помину.

Купи вина, коли хочешь купить горе на свои деньги.

*

Хмѣль — дурь продажная; кому надо, купитъ.

У терезваго своя голова, у пьянаго чужая; а отвѣчаетъ одна.

*

Безъ вина одно горе, а съ виномъ старое одно, да новыхъ два: и пьянъ и битъ.

*

Одну чарку пей, за другою руки не протягивай; отъ третей отворачивайся, а отъ четвертой бѣги, не оглядывайся.